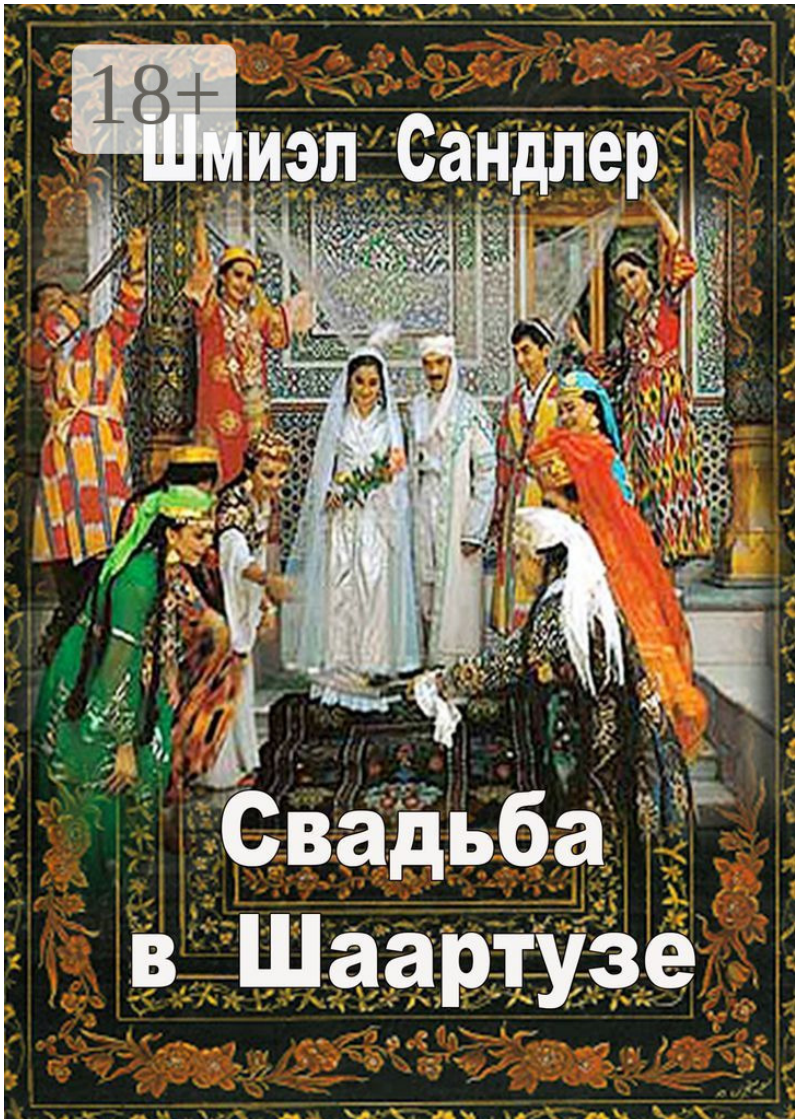

18+

Шмиэл Сандлер

Свадьба
в Шаартузе

Шмиэл Сандлер

Свадьба в Шаартузе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57393677

ISBN 9785005131522

Аннотация

Восток – дело тонкое, особенно, когда пришла пора выдавать замуж дочь. Но дело становится еще тоньше, когда дочь вопреки воле родителей находит себе избранника сердца, а этот избранник похищает невесту. И тут начинается кровная вражда. Нет, не итальянская, а бухарско-еврейская, и кончается она свадьбой. Крови в этой запутанной истории вовсе нет, а есть много смеха, а посему читателю предлагается расслабиться и получать удовольствие, тем более, что история того стоит. Книга содержит нецензурную брань.

Свадьба в Шаартузе

Шмиэл Сандлер

*Обслуживать уставших – терпеливо,
обидчивых – тактично,
грубых – вежливо,
раздражительных – предупредительно
и стеснительных – заботливо*

*Девиз Шаартузского комбината
бытового обслуживания*

Глава 1

© Шмиэл Сандлер, 2020

ISBN 978-5-0051-3152-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ежевечерние словесные перепалки с женой служили Семену Аркадьевичу Сирканисову интеллектуальной разминкой перед долгими философскими размышлениями.

Сегодня по графику им обсуждалась тема:

«Извечное единоборство мужчины и женщины на фоне диалектических игр природы»

Тема, как казалось ему, могла представить интерес для

широкой аудитории и он подумывал развить ее в небольшом эссе: «Женщина крупным планом».

Семен Аркадьевич хотел сделать нечто весомое в науке и шел к этой цели с завидным упорством. Окончив столичный университет, через дядю своей супруги, он устроился на кафедру физики в технологический институт.

Занятый своими мыслями Семен Аркадьевич с прохладцей относился к работе, однако студентам нравилось критическое отношение к науке и любое его суждение они встречали бурными аплодисментами.

Прежде чем взяться за исследование в области теоретической физики, Сирканисов завел связи в научных и околонучных кругах, затем спонтанно, как выразился один близкий ему доцент, вышел на открытие мирового масштаба.

Идея учёного была смелой и неожиданной: в своей диссертации Семен Аркадьевич начисто отрицал земное тяготение:

«Его нет, – утверждал он, – просто существует некое атмосферное давление, которое мы, благодаря заблуждению Исаака Ньютона, принимаем за тяготение»

Столь дерзкое предположение, вызвало сильнейшее возбуждение в академических кругах республики. Все поздравляли диссертанта с выдвижением смелой гипотезы, интересуясь, как это он дошел до столь гениального озарения:

– Путем поиска и эксперимента, – скромно отвечал диссертант, – ведь если предмет падает на землю, – думал я, –

значит, он подвергается либо притяжению снизу (по этому пути, кстати, пошел Ньютон), либо давлению сверху, правомочность последней гипотезы я и пытаюсь доказать.

– Почему, однако, вы решились опровергнуть Ньютона? – спрашивали коллеги.

– Из чувства ответственности, – отвечал Сирканисов, – наука не стоит на месте и долг ученого подвигать ее вперед.

– Правильно, коллега, – соглашались с ним в научных кругах, где за бокалом искристого шампанского Сирканисов развивал свои идеи, – давно пора потеснить авторитеты.

А подвыпивший доцент, приглашенный на банкет устроенный диссертантом, заявил, между прочим,

– Ньютон открыл закон земного тяготения, а наш Семен закрыл его.

Поскольку тема была необычной диссертацию соискателя отправили в Академию наук Таджикистана для выдвижения, чем чёрт не шутит, на Нобелевскую премию.

Ознакомившись с рукописью Сирканисова, таджикские ученые устроили дискуссию посвящённую открытию нового закона. После чего был поднят вопрос о компетентности диссертанта в целом и правомочности его преподавания в частности.

Семена Аркадьевича попросили освободить кафедру физики по собственному желанию. Первое время он сожалел, что не смог найти подход к ученым мужам:

– Обсуждение следовало провести в банкетном зале, – со-

крушался он.

– Верно, – соглашался подвыпивший доцент, – глядишь, и растаяли бы за столом академики.

– Но ежели и умастил бы я своих академиков, – рассуждал Сирканисов, – то с нобелевским комитетом это было бы непросто.

– Почему не просто? – Спросил доцент

– А вдруг члены не приемлют восточной кухни?

– Какие члены? – соображал доцент.

– Нобелевского комитета, – отвечал незадачливый диссертант.

Некоторое время Семен Аркадьевич пытался выяснить – зарегистрирован ли в анналах истории способ, благодаря которому самому Ньютону удалось протащить в науку своё открытие.

– Тут что-то не так, – говорил он, – своими успехами Исаак, обязан секретам еврейской кухни.

Когда неудачливому физику сказали, что Ньютон не был евреем, он не поверил и даже стал копаться в книгах по кулинарии эпохи королевы Анны, чтобы доказать справедливость своей догадки, но вскоре ему стало жалко времени, которое надо тратить на это пустое занятие и он решил положить свои способности на разработку какой либо гуманитарной идеи, как это сделали в свое время Фрейд, Маркс, Христос и другие, более удачливые евреи.

Искать тему долго не пришлось. Скоро он обнаружил, что

кроме двух трех десятков цитат о женщине в мировой философии почти не упоминается. Он решил восполнить сей досадный пробел и стал разрабатывать линию феминизации мировой философии.

Судя по интеллектуальной разминке, которую он проводил в этот вечер, разработка новой теории продвигалась не очень успешно.

Разминался Семен Аркадьевич по системе Сократа. Греческий философ, как известно, перед тем, как выдвинуть очередную доктрину, черпал вдохновение, выслушивая многочасовую брань супруги.

Семен Аркадьевич пошел дальше и в момент умственного криза, когда идеи не рождались в воображении, он переходил от словесных перепалок с женой к рукопашным схваткам в стиле боевого кунг-фу. При этом нельзя было назвать его извергом или женским мучителем, скорее наоборот: Стелла Юрьевна Сирканисова была обладательницей черного пояса, и схватка с нею была столь же опрометчивой затеей, как и бой боксера новичка с чемпионом мира среди профессионалов.

Вывихи переломы и синяки, которые супруга в порыве спортивного азарта наставляла Сирканисову, особенно плодотворно сказывались на его научной деятельности. Но вдохновения ради ученый готов был страдать и его подвижничество вознаграждалось сторицей: идеи, зарождавшиеся в та-

кие дни, отличались глубиной и неповторимостью.

Благодаря творческому отношению к своим мозговым штурмам, Семен Аркадьевич достиг такого совершенства в размышлениях на избранную тему, что стал среди бухарских евреев признанным авторитетом по вопросам семейного толка. К нему обращались за советом вступающие в брак и расторгающие семейные узы, подвергшиеся супружеской неверности и намеревающихся вкушать от запретного плода сего.

Семен Аркадьевич слыл специалистом в разрешении конфликтов любой сложности. Ежедневно он кого-то мирил, сглаживал острые углы или наставлял на путь истины.

«Такого рода практика, – говорил он друзьям, – помогает мне в постановке научных вопросов»

А вопросов теперь было много и наиболее насущный из них – в каталоге вечерних занятий он шел под рубрикой “Женщина и урбанизация» – совершенно не подавался вразумительной трактовке и это тревожило Сирканисова.

Помощь, которую он оказывал людям отвлекала его от науки, но он никому не отказывал в просьбах. Его приглашали на торжества и похороны, чтобы иметь возможность послушать бесценные мысли ученого мужа. Он помогал людям советами, делом, а зачастую и деньгами, за которыми к нему обращались многочисленные друзья, родственники и просто знакомые. Людям нравилось его бескорыстное участие в их делах, и они были благодарны ему за это.

Глава 2

**Мужу надлежит быть подвижным,
жене – спокойной,
Худо будет, если придут в движение
оба жернова**

В этот вечер супружеская перебранка затянулась. Семен Аркадьевич настраивался долго и трудно. И лишь когда жена удачно метнула в него кусок хозяйственного мыла, философ воочию ощутил потный вал вдохновения. “ Нет, нет и еще раз нет! – думал он, с опаской поглядывая на жену, – в ближайшие пятьсот лет, у них должны быть только обязанности» Он кинулся к столу, чтобы продолжить эссе «Женщина крупным планом», но вдруг услышал стук в калитку. Стучались так громко и настойчиво, будто пришли сообщить о всемирном потопе. Сирканисов отворил покосившуюся от дряхлости дверцу и увидел посыльного с письмом от Михаила Бадалова.

Семен Аркадьевич знал Бадалова, как человека делового, в прошлом прозаика и поэта, а ныне крупного деятеля общественного питания.

Бадалов писал в присущем ему классическом стиле, пренебрегая правилами орфографии и пунктуации: «Дарагой Симон, приезжай поскорее имеется дело»

Судя по тону письма, Семен Аркадьевич был нужен другу, как психолог и семейный консультант. Хорошо усвоив-

ший приемы восточной дипломатии, Бадалов не спешил посвятить адресата в детали срочного дела. На двух страницах, вырванных из ученической тетради, он красочно, не даром ведь баловал стихотворчеством, описывал погоду в Шаартузе и лишь на третьей странице просил «Дарагого муалима» (Муалим – учитель) спешно прибыть в Шаартуз, ибо «Промедление подобно утере сберегательный книжки»

Как бывший поэт Бадалов мыслил образами, но теперь они у него носили экономическую подоплеку. И, наконец, расписавшись под этим шедевром эпистолярного искусства, он сделал две орфографические ошибки в написании собственной фамилии, чем немало позабавил Сирканисова:

– А слышь ты, женщина, – сказал Семен Аркадьевич жене, привыкшей, что он постоянно занят чужими делами, – не знаю в чем там, собственно, дело, но, видно, без меня не обойдутся.

И Стелла Юрьевна стала собирать мужа в дорогу.

Глава 3

Коли деньги пущены в ход, Дело устроится

На другой день Сирканисов на автобусе подъехал к автовокзалу Шаартузского района.

Стоял ясный знойный день. На станции было людно и шумно. У единственной билетной кассы, по сценарию директора автостанции товарища Умурзакова разыгрывалась

транспортная драма под названием «Столпотворение по шаартузски». Аналогичный спектакль в древнем Вавилоне в сравнении с этим представлением любому театралу показался бы жалким фарсом. Новаторство директора, как драматурга сказалось в том, что он отказался от сцены и декораций и все действие пьесы перенес на маленькую площадку, которая служила ареной для батальных сцен.

Лишних билетиков в кассе не наблюдалось, а количество пассажиров участвующих в шаартузском столпотворении было не меньше, чем при знаменитом библейском скандале.

Уместить такое число пассажиров на маленьком клочке пространства было бы не по силам даже Господу, выступившего автором нашумевшей пьесы в Вавилоне. Шаартузский вариант режиссуры был более масштабен, о чем свидетельствовали позже газетные рецензии, последовавшие после премьеры спектакля. Красной нитью в них проводилась мысль о том, что столпотворение столь невиданной силы понадобилось директору станции с определенной целью: люди на практике должны были познать древнейшую истину: «Ничего в этом мире не дается даром» В своё время прямодушные римляне выразили эту же мысль более откровенно: «Все в мире берется с бою!»

– И это справедливо, – считал директор станции, – именно с бою, как и полагается в эпоху советского дефицита. Но не следует упускать из виду, что люди восточной мен-

тальности скорее пойдут в обход, убедившись, что в бою добыть билеты небезопасно для здоровья.

И люди бились за билеты и не было на них Гете, чтобы описать это позорное действие.

– Ты видишь, Хаим, – говорил в это время директор своему заместителю, наблюдая из окна кабинета за ходом уникальной постановки, – законы арифметики вполне применимы к общественному транспорту.

Хаим Сасонов был не очень сведущ в нюансах общественного транспорта, зато отличался исполнительностью и понимал шефа с полуслова. На должность заместителя он устроился благодаря обширным связям кузины своей супруги Лизочки Матаевой.

Лизочка работала машинисткой в райкоме партии и состояла в интимных отношениях с товарищем Сатаровым, вторым секретарем по идеологии. Второму секретарю очень нравилось искусство минета, которое демонстрировала Лиза и только, уважая высокое мастерство своей секретарши, он мог терпеть еврея на идеологическом фронте.

Если бы не еврейское происхождение Хаима Сасонова, Лизочка Матаева могла бы устроить его директором Общепита, потому что председатель Облпотребсоюза, от которого зависела эта должность, также был почитателем оральных талантов Лизочки. Но Сасонова вполне устраивало кресло замдиректора автостанции, потому, что товарищ Умурзаков предоставлял ему полную свободу действий. Администра-

тивные вопросы, связанные с постановкой спектакля были полностью возложены на него.

– Да, но какое отношение имеет арифметика к общественному транспорту? – наивно вопрошал Сасонов.

– До сих пор мы имели дело с общественным транспортом, – терпеливо втолковывал шеф своему заму, – теперь пришло время заняться арифметикой...

– Но причем тут арифметика? – пытался вникнуть зам в непростые расчеты философствующего шефа.

– О, Аллах, какой же ты поц, Хаим, – сердился директор, – неужто непонятно, пассажиры уже устали и вполне созрели для переплаты.

Хаим понимал это не хуже директора, ведь они вместе разрабатывали эту нехитрую операцию. Просто директору было приятно лишний раз продемонстрировать своё глубокомыслие, а заму потрафить боссу своим якобы непониманием очевидных истин.

Это был давно уже сыгранный дуэт и каждый из солистов великолепно знал свою партию.

Товарища Умурзакова интересовала эстетическая сторона дела, финансовыми же проблемами, то есть распределением навару от постановки драматического шедевра занимался Сасонов. Себе он забирал скромную толику ассигнаций, оставляя львиную долю для директора и второго секретаря по идеологии.

Глава 4

**Тот, кто разбавит медом горчицу,
Получит прекрасную приправу к пище**

Сражающиеся – старики с бородками «А ля Магомед»» обливаясь потом, сметая зазевавшихся и, издавая вопли, словно у проходных ворот в ад, неудержимо прорывались к билетной кассе.

Босоногая детвора порхала подле бушующих старцев, растирая под носом зеленые сосульки. Женщины в широких атласных шароварах, стыдливо прикрывая лица платками, с любопытством наблюдали, как седобородые крушат единоверцев, призывая в свидетели Аллаха и, приводя цитаты из Корана. Молодежь не вмешивалась в многоборье стариков – на Востоке это не принято.

Опасаясь быть вовлеченным в эпицентр старческих страстей, Семен Аркадьевич одним махом перемахнул через хурджин с луком (Хурджин – восточная сумка), обошел ящик с джиргитальской картошкой и оказался перед дымящимся глиняным мангалом. Хозяин мангала – детина в брезентовых сапогах, подпоясанный андижанским расписным платком, в пику бородатым конкурентам, варил манты из теста, лука и некоторого намека на мясо. Он закладывал в своё творение столько перца уксуса и лука, что образовавшимся снарядам можно было подорвать все военные объекты в Европе и далеко за её пределами. Но никто не молил о пощаде и не взывал к милосердию – национальная еда без перца, рав-

носиво, что небо без звезд.

Подбрасывая уголек в жаровню, детина в задумчивости ковырял прутиком налитые золотом головешки.

– Делаем деньги, почтенный? – с любопытством спросил Сирканисов.

– *Самое ценное для глаза – это зрачок,
А самое ценное для человека – это деньги,* — нехотя отвечал детина, продолжая в задумчивости перебирать головешки прутиком.

– Я вижу, вы философ, – сказал Семен Аркадьевич, – а работаете на себя, почему не для общего блага, товарищ?

– МуалИм, (учитель) – с той же невозмутимостью отвечал детина, – еще Гегель сказал, – собственность определяет лицо личности.

– Вы знакомы с Гегелем? – удивленно спросил Сирканисов.

– И вы можете познакомиться с ним, – сказал детина, – он пчеловод в соседнем районе.

– Хе... – ухмыльнулся Сирканисов, – а вы, я вижу, не лишены чувства юмора.

– Не всем же приезжим быть юмористами, – с достоинством отозвался поклонник немецкого мыслителя. – кое что могём и мы...

– Что конкретно мы можем, любезный?

Не отвечая на вопрос, торговец приложил правую руку к сердцу и вежливо предложил:

– Испробуйте манты, почтенный.

Вдыхая аромат печеного лука, Сирканисов вытащил из кармана мелочь. Согнувшись в вежливом поклоне, детина протянул ему блюдечко с манты. Знающий все нюансы восточного этикета, Сирканисов также приложил правую ладонь к груди и с почтительным кивком принял блюдце в левую руку. Предвкушая удовольствие и, собираясь по этому поводу продекламировать парочку рубаИ во славу хозяину мангала, он положил было первое манту в рот и вдруг явственно ощутил, как дрогнула под ним земля, с гулом опрокинулось небо и все вокруг завертелось со скоростью урагана в штате Флорида летом 1985 года. Детина провалился в небытие, и мир погрузился во мрак.

Ему расстегнули ворот рубашки, помахали над носом газеткой и мир снова возник, но во рту, будто сто тысяч кошек царапали небо. Он задыхался, из выпученных глаз катились слезы. Какой-то сердобольный старик поднял его с земли, довел до ближайшей скамейки и сказал:

– Весь этот запал из перца, лука и уксуса они закладывают в манты, чтобы перебить вкус несвежего мяса. Да поразит Аллах всех мошенников стрелами своего гнева! Да нашлет на их головы язвы, которые бы не скрыли их толстые тюрбаны праведников.

Глава пятая

Судьба изменчива к людям,

Если сегодня она благоволит К кому-либо, завтра отворачивается

От автовокзала к базару вела узкая, пыльная улочка. Даже ишак при всей своей маневренности не развернулся бы здесь, но местные автолюбители развивали на этом клочке пространства космические скорости. Милиция не заглядывала сюда с момента появления первого автомобиля в республике. Её больше интересовали тощие карманы шаартузских автолюбителей, не очень друживших с правилами дорожного движения. Лихач, попавший в лапы сотрудника автоинспекции, облагался штрафом – втрое: одна часть взималась за нарушение правил, следующая полагалась стражу порядка на обед и третью часть ревностный гаишник откладывал на предмет приобретения личного авто. Лихачей в районе было много и средства на покупку автомобиля складывались быстро.

Здесь нарушители – те, кто приобрел уже водительские удостоверение и те, кто не успел их купить, были известны своим шоферским темпераментом. Пристрастие шаартузских водителей к скоростной езде было причиной многих курьезов в районе. Старожилы Шаартуза могли припомнить не один случай, когда местные авто, развивая реактивные скорости, плавно отрывались от земли, искусно планируя в воздухе. О наиболее удивительных случаях их приземления почтенные аксакалы района складывали поэтические дастаны и элегические манзумаа.

Приехавшая сюда из города грузовая машина, после многократных столкновений, с районными лихачами принимала форму легкового автомобиля. Если шаартузский водитель показывал левый поворот, это отнюдь не исключало вероятности его поворота направо. Если он намеревался произвести обгон, то лучшее, что можно было бы предпринять в данной ситуации – это съехать на обочину и, взобравшись для безопасности на придорожный холм, вести оттуда счет акробатическим кувыркам машины покойного шаартузца, увы, не вписавшегося в очередной поворот. Шаартузские грузовики так часто сшибались на тротуарах, хотя ездили по проезжей части, что пешеходы, не желая завершать прогулки под колесами автомобилей, перестали ходить по тротуарам, предпочитая прыгать по деревьям и крышам жилых домов. Это обстоятельство создавало ряд неудобств для жителей района – участились случаи свободного падения подвыпивших граждан с крыш высотных домов. Чтобы свести число падений к минимуму, второй секретарь по идеологии товарищ Сатаров в промежутках между оральным и анальным сексом с Елизаветой Матаевой надиктовал ей следующий указ:

- а.** Протянуть над Шаартузом разветвленную сеть канатных дорог.
- б.** Установить вдоль тротуаров цепь бетонных столбов

(эти не ломались, как деревянные при столкновении, что оберегало район от аварий связанных с порывом электропроводов)

в. Призвать пешеходов к использованию защитных касок.
Был еще пункт под буквой

г. – Пресечь случаи выдачи водительских удостоверений за наличный расчет, но в последний момент он был снят с повестки дня.

«Если указ получит реальную силу, – рассудил сладострастный Сатаров, поглаживая могучий круп Елизаветы Матаевой, – водители перестанут кормить автоинспекцию, а те давать на лапу идеологам райкома»

Воистину, имя Ленина в сердце каждом! – сказал Сатаров и хлопнул секретаршу чуть ниже спины. Он подождал пока Лизины ягодицы перестанут колыхаться в воздухе и лишь, затем торжественно закончил свою мысль оптимистическим восклицанием, – верность партии делом докажем!

Глава 6

**Осёл, если уж начал реветь,
Продолжает долго, не иначе**

Завидев мотоциклистов Семен Аркадьевич, зная шаартузских лихачей, ловко взобрался на дувал справа – благо

был тот невысок. Когда мотоциклисты с гиссАрскими тубейками на макушках лихо промчались мимо, взмутив улочку вкусно пахнущей пылью, Семен Аркадьевич спрыгнул с дувала и вспомнил печальную полосу из своей жизни, когда и он, поддавшись модному поветрию, пытался выучиться ездить на мотоцикле.

Купив на базаре старый мотоцикл марки «Иж», Сирканисов долго учился управлять им. Через месяц ему удалось освоить ряд навыков и его допустили до экзаменов. На экзамене Семен Аркадьевич неожиданно увлекся скоростью и наехал на инструктора. Он переехал его передним колесом и инструктору чудом удалось увернуться от второго.

Когда инструктору почистили костюм и подали раздавленную шляпу, он сказал Сирканисову:

– Послушайте, молодой человек, забудьте про мотоцикл и купите себе осла.

Но Семен Аркадьевич и не думал следовать его совету.

Месяц спустя ему удалось сдать тест. Но теперь инструктор стоял на значительном удалении от тренировочного плаца и наблюдал за маневрами Сирканисова в армейский бинокль.

Все поздравляли нового водителя, и лишь инструктор не выразил восторга.

– И все-таки, я бы не советовал вам, – сказал он с таким видом, будто провожал уже погребальные носилки с прахом ретивого ученика.

Домой Семен Аркадьевич поехал на мотоцикле, посмеиваясь в душе над пессимизмом инструктора. Он был почти дома, когда из подворотни бодро галопируя, выскочил молодой, жизнерадостный осел. Увидев Сирканисова верхом на технике, он остановился в изумлении, радуясь встрече со старым ослом. Чтобы избежать столкновения Семен Аркадьевич резко повернул влево. Каково же было его удивление, когда осел с милой непринужденностью, повернул туда же. В спешном порядке Семен Аркадьевич взял вправо, но и осел был уже там. С быстротой молнии Семен Аркадьевич снова взял влево, осел в точности повторил его маневр. Воистину это была ослиная логика, непонятная и необъяснимая в своих проявлениях. Ситуация была чрезвычайная: следовало спешно перестроиться во избежание аварии и Сирканисов принял решение: он показал поворот влево, но поехал направо. Осел, как и следовало ожидать, не понял хитроумной комбинации Сирканисова и в последний миг дернулся вправо, куда проклиная всех ослов в мире, уже повернул Семен. Он и раньше был невысокого мнения об интеллекте ослов, теперь же в экстремальной ситуации, полагаться на сообразительность длинноухого было, по меньшей мере, глупо. Следовало срочно брать инициативу в свои руки, и он повторил предыдущий финт, но в ускоренном варианте: показал левый поворот, а когда осел, не раздумывая, скаканул влево, он молниеносно выправил руль и аппарат со скоростью звука устремился вперед. Маневр почти удался. Семен

Аркадьевич вырвался из опасной зоны и на бешеной скорости врезался в железобетонный столб. За секунду до того, как отключилось сознание, Сирканисов вспомнил строфу из басни Крылова – «Слона-то я и не приметил»

Уже в больнице он узнал, что мотоцикл, а вернее то, что от него осталось, пионеры местной школы сдали на металлолом, а на вырученные деньги восстановили столб.

К нему приходили друзья – проведать, но больше всех волновалась жена:

– А это, правда, что у тебя одна нога будет короче другой? – спросила она.

Семен Аркадьевич печально кивнул.

– А правда, что шея не будет держаться прямо?

– Это поначалу, а потом будет.

Жена хотела спросить еще что-то, но не решалась, а, только молча, вытирала слезы платочком. Понимая, что испытывает в эту минуту супруга, Семен Аркадьевич пытался приободрить ее:

– Стелла, – сказал он, улыбаясь, – я верю в нестигаемую твердость советского человека.

Но жена все еще сомневалась:

– А столб, повреждённый тобою, – спросила она, – будет ли он стоять как прежде?

– Будет, – сказал Сирканисов и для убедительности заключил свои слова стихами великого русского классика:

**«На берегу пустынных волн
Стоял Он дум великих полн
И думал – отсель грозить мы будем шведу»**

Но жену его слова не убедили. Она ушла от него в полной уверенности, что ни ей, ни тем более шведам никогда не дожидаться от мужа того, что Петр Великий периодически получал от Екатерины Первой.

Стелла тихо шла по пустынной больничной аллее, наступая на пожухлые осенние листья. Она украдкой смахивала с лица жгучие слезы, удивляюсь тому, как причудливо сотрясение мозга пробудило в муже величественные пушкинские строки.

Через месяц Семена Аркадьевича выписали из больницы. В день выписки по иронии судьбы он встретил инструктора. Тот никак не ожидал увидеть воспитанника в добром здравии и не мог скрыть удивления.

– Я бросил это дело, – сказал ему Семен Аркадьевич.

– Ну что ж, – повеселевшим голосом сказал инструктор, – очень разумно, молодой человек, и главное своевременно.

Они раскланялись, и Сирканисов пошел далее, слегка припадая на левую ногу и, пытаясь зафиксировать правильное положение шеи. То о чем хотела и не смела, спросить его жена все-таки случилось с ним – ему пришлось забыть о радостях секса. Иной раз, впрочем, у него это получалось,

но такие праздники выпадали все реже и реже, и это обстоятельство привело к полному разладу в семейных отношениях супругов: Стелла Юрьевна подружилась с кунг-фу, а вернее с тренером по этому виду спорта товарищем Васканяном Вазгеном Карапетовичем, а Семен Аркадьевич с головой ушел в разработку идей социальной психологии, утешаясь словами поэта сказавшего:

*Женщина может быть другом, но лишь на время,
Пока не найдет другого возлюбленного.
Когда она окажется в объятиях другого,
То не захочет впредь видеть тебя.
Когда писали предначертание о верности,
То перо, дойдя до женщин, сломалось.*

Глава 7

**Мир полон чередующихся превратностей,
Которые обитают среди людей словно
беглые тени**

Улочка, которой шел, предаваясь воспоминаниям, Семен Аркадьевич незаметно вливалась в рыночную площадь. Через минуту он стоял в центре Шаартузского базара.

В письме было сказано «Дорогой Симон, встречу тебя на базарной площади у сапожной будки дяди Юры Исхакбаева»

Болтая с торговцами помидоров, переступая через меш-

ки с репой и, обходя горы арбузов и дынь, почтенный Сирканисов искал дядю Юру. Будок на базаре он насчитал восемнадцать тот, кто воздвигал эти странные сооружения, был посвящен, вероятно, в особенности стиля графа Бартоломео Растрелли. (Граф Варфоломей Растрелли – русский архитектор итальянского происхождения. Наиболее яркий представитель елизаветинского барокко). Претензия шаартузских последователей графа сказалась в их творениях: крыши фанерных строений были конической формы с причудливыми жестяными завитушками, а двери расписаны строгим орнаментом.

В иных будках производился мелкий ремонт обуви, в других записывали на пленку песни и музыку индийских кинофильмов. Жители шаартузского района высоко ценили мастеров индийской эстрады и это было важно с двух сторон – повышалась музыкальная культура Шаартузцев и, благодаря индийскому кино, выполнялся план шаартузского комбината бытового обслуживания. Народ ходил от будки к будке либо с магнитофонной пленкой тип 10, либо с полуразвалившимися ботинками местной обувной фабрики. Сапожники с усердием стучали молотками по отклеившимся подошвам, пыль стояла столбом, сапожники оглушительно чихали на клиентов и, не извиняясь, обсуждали последние указы секретаря по идеологии товарища Сатарова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.